

ТРОИЦКИЙ ЗАГОВОРЕТНИК

Приходской листок

Троицкого архиерейского собора г. Сумы

№17 (38) (от 30 августа 2015 года)

Издается по благословению Высокопреосвященнейшего Евлогия,
архиепископа Сумского и Ахтырского

Тема номера: **ЖИЗНЬ В ЦЕРКВИ**

О лубочном христианстве

Христианство имеет определённую иерархию ценностей, а именно: главное в нём – Сам Христос, Его божественная Личность. Он есть Альфа и Омега, начало и конец (*Откр. 1:8*); Он есть Путь, Истина, Жизнь и Воскресение (*Ин. 14, 6; 11, 25*); для верующего Христос – это всё (*преп. Марк Подвижник*). **Цель жизни христианина** – соединиться со Христом, жить Им и с Ним, и в Нём обрести спасение и мир, счастье и бессмертие. Именно для этой – ни для какой иной – цели Бог основал на земле Церковь, в которой через Таинства Духом Святым и происходит приобщение верующей души Христу Господу. Церковь – не просто средство индивидуального освящения человека. Во Христе человек обретает действительную полноту жизни, а, следовательно, и общение с другими людьми; причём для Церкви совершенно не существенно, живёт человек на земле или уже отошёл в мир иной, ибо в Церкви нет смерти. Церковь – не просто сообщество верующих или специфическая организация. По сути своей Церковь есть Тело Христово. Отсюда и вытекает принцип **христоцентричности**. Он означает, что в Церкви всё без исключения должно возводиться ко Христу Спасителю.

За 2000 лет своего существования Церковь накопила огромное богатство – духовное, культурное, социальное и проч., которое облекалось в великое множество форм и явлений, затрагивающих все сферы человеческого бытия. И все эти церковные формы и явления существуют исключительно для того, чтобы тем или иным образом приобщить или способствовать приобщению человека Иисусу Христу. Если мы, в силу тех или иных причин,

начинаем воспринимать эти внешние церковные формы как нечто самоценное, вне контекста Христа, то мы совершаем ошибку, подменяя главное – второстепенным, существенное – формальным, – ибо **без Христа всё абсолютно бессмысленно**, пусть даже и в Церкви.

Слово **синергия** означает «совместное действие», сотворчество Бога и человека. Благодать Божия, присущая Церкви, никогда не действует насильственно, автоматически; Бог всегда уважает свободу человека и ждет от него сознательных и совершенно свободных религиозных движений сердца и действий. Этот принцип соблюдается во всех сторонах религиозной жизни. Всё в Церкви рассчитано на осознанную ответственную жизнь христианина; **в Церкви нет ничего формального, «слепого», того, что совершается «само по себе»,** как бы «в обход» человеческого произволения.

Вышеназванные принципы церковной жизни существуют вовсе не для умозрения, но, как и всё в Церкви, для жизни. Из христоцентричности и синергии вытекает необходимость нравственного труда для соединения со Христом. Так как от ветхого Адама мы наследуем падшую природу, нам необходим труд противления ей и понуждения себя на исполнение заповедей Божиих, которым только и усвоится благодать Христова человеку. Многих людей такое христианство не устраивает. Не будем разбирать здесь причины, почему это происходит – это и боязнь свободы, и недооценка нравственности, и т.д. В противоположность настоящему, «трудному» христианству существует гораздо более распространённое **другое христианство**. Оно характери-

зается, в числе прочего, двумя вещами: двоеверием – христианством без христоцентризма, и магизмом – христианством без синергии и нравственного труда.

Двоеверие – явление, традиционное для Руси, характеризующееся принятием и усвоением обрядовой стороны Православия при том, что дух жизни остаётся языческим.

После 70 лет гонения на Церковь и потери людьми элементарной церковной грамотности двоеверие, не купируемое теперь, как раньше, целенаправленными пастырскими усилиями, получило широкое распространение.

Причём двоеверие в наши дни – это уже не столько прыгание через костёр на Ивана Купалу и святочные гадания, сколько вектор жизни. Оно убирает из нашей религии Христа и ставит на Его место реалии падшего мира. Целью в этой системе взглядов является не Сам Господь и жизнь в Нём, а **получение от Него вполне земных благ**; Сам же Господь и Его заповеди никого не интересуют. Интересно, что и сами церковные формы при этом теряют свою целостность и становятся какими-то полуязыческими.

Всё церковное, к чему прикасается язычество, профанируется и опошляется, так что многие люди под Церковью понимают не Христа и христианскую жизнь, а Масленицу, Красную горку, яблочные и прочие «Спасы», «народные приметы» и тому подобные вещи.

Вдумайтесь, дорогие читатели: может ли наше спасение быть медовым? можно ли Господа нашего Иисуса Христа назвать «яблочным»? Вот это и есть самый настоящий лубок – **когда вместо серьёзного разговора о самых значимых и важных для всех людей вещах – о счастье, о смерти – мы говорим о куличах и пасхах...**

Согласно **магической** точке зрения духовной мир не зависит от человека, от его внутреннего состояния, человек – его пассивная часть, деталь, механическая игрушка на волнах неведомого для большинства потустороннего мира. Можно, однако, воздействовать на этот мир, и направить это воздействие так, чтобы получить некий ожидаемый результат. Для этого особое посвященное лицо, жрец или маг, должно точно выполнить то или иное обрядовое действие; и если оно правильно совершено, если учтены все значимые потусторонние обстоятельства дела, то результат га-

рантирован, независимо от внутренних расположений сердца человека, от его веры, взглядов, дел, нравственного состояния и проч. Главное – учесть все обстоятельства и скрупулезно точно, посвященным лицом, исполнить определенный род действий.

Если магизм проникает в Церковь, он коренным образом извращает внутренний строй христианина, так что он фактически перестает им быть, хоть может быть внешне весьма воцерковленным человеком. Магизм в Церкви прежде всего извращает отношения человека и Бога, извращает саму мысль о Боге. Бог становится не любящим Отцом, а неким абстрактным принципом, внушающим прежде всего не сыновнюю любовь, а **боязнь подчиненного к загадочному начальнику**. Между человеком и Богом невозможными становятся личные отношения, а именно в них суть нашей религии; возникают отношения формальные, юридические; благоугождение Богу переносится из сферы нравственной – исключительно в исполнение определенных внешних правил. Магическая точка зрения стоит на том, что Богу нужен только обряд, правильно, во время исполненный; в остальном человек Богу ничего не должен, и отношения человека и Бога этим вполне исчерпываются.

Что из всего этого получается на практике? То, что церковь превратилась у нас в некую **белую магию православного обряда**. Со Христом человеку не всегда легко и комфортно. Он заповедует: возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем разумением твоим, и всею крепостию твоею, – вот первая заповедь (Мк. 12:30). Это требует, как я уже сказал, нравственного напряжения, устремления сердца ко Господу. Людям это неудобно, да и с амвонов не часто услышишь об этом. Пастырям проще выступать в роли жрецов – отслужить молебен или требу, и, получив плату, на этом закончить созидание Церкви.

Людям же легче поставить свечи, написать записки, пройти по канавке и т.п., в надежде, что они автоматически окажут нужное магическое действие, – чем разбираться в своей жизни и строить её в соответствии с Евангелием.

Настоящее, церковное, Евангельское, православное святоотеческое христианство совершается внутри сердца человека, оно скромно, неэффективно, непублично, оно чуждо раз-

влечения, требуя ровности жизни и внимания к себе. В некотором смысле оно сухо и буднично. Если человек не живёт им, то у него появляется потребность расцветивания этой «сухости» внешним (пусть даже и религиозным) развлечением, эффектностью.

Об этом прекрасно писал ещё в XIX веке свт. Игнатий Брянчанинов. Отсюда – чудеса, знамения, пророчества о конце света, поиски старцев и стариц, дешёвая апокалиптика, национализм и проч. И всё это тоже вполне подходит под определение лубочности. Фиксируется она в многочисленных устных и письменных историях, по поводу которых ещё в I веке ап. Павел писал: Негодных же и бабьих басен отвращайся, а упражняй себя в благочестии (1Тим. 4:7).

Итак, на основании вышесказанного определим: **лубочное христианство – это профанация, внешнее без внутреннего, христианство без Христа, церковная жизнь без нравственного духовного труда.**

В чём его главная опасность? Все внешние вещи, в том числе и фольклорные, вполне имеют право на существование, но при одном условии: если они стоят на своём месте в иерархии христианских ценностей. Если же эта иерархия нарушается, тогда происходит то, о чём говорит Господь – соль Церкви теряет свою силу (ср. Мф. 5, 13). И опять же, это не просто отвлечённое умствование. Не раз в своей пастырской практике я сталкивался со следующим явлением. Вот живёт человек, жизнь его ровная и устроенная. Его вполне удовлетворяют купола и колокола, свечи, записки и молебны. Но приходит какое-то серьёзное искушение, испытание, напасть – внешняя, например, наркомания, алкоголизм родственников, или внутренняя – охлаждение веры, душевная усталость, тот же алкоголизм, и т.п. Человек обращается за помощью, разумеется, к Церкви. И тут оказывается, что купола и колокола, записки и молебны, старцы и канавка не помогают? А ни к чему другому человек в Церкви не привык. Ему не объяснили, что для Церкви всё это – внешний «антураж», действенный лишь постольку, поскольку он является выражением нравственного и духовного личного усилия сердца по направлению ко Христу. Не объяснили вовсе не по злонамеренности какой, а потому, что главенствующее значение в современной церковной идеологии, у многих пастырей, в огромном коли-

честве церковной литературы имеет именно **лубочное, псевдоцерковное христианство.** Как всякая неправда, при столкновении с реальностью такое христианство терпит фиаско, люди разочаровываются в Церкви, отходят от неё, – что мы и наблюдаем не только в личной жизни многих христиан, но и в масштабе исторического процесса.

Что же делать? На это нам поможет ответить ещё одна цитата из письма вышеупомянутой прихожанки.

Образовательный и интеллектуальный уровень человека еще ни о чем не говорит в Богопознании (скорее даже наоборот).

Вот с этим я никак не могу согласиться. Это называется **обскурантизмом** – т.е. пренебрежением к образованности, культуре, науке. К сожалению, это нравственное уродство широко распространено в церковной среде. Почему-то многие считают, что работа мысли вредит чистоте церковной жизни. Один известный батюшка как-то, выступая по радио, даже заявил: а я рад, что я необразован. Святые Отцы – что ещё нужно для христианина? – Но как раз святые Отцы все были образованнейшими людьми своего времени, отличавшимися, помимо святости и духовности, высочайшим интеллектуальным уровнем.

Церковь создала великую культуру, философию, науку. Обскурантизм же не может ничего создать; будучи по природе явлением маргинальным, он может лишь всё законсервировать и в конечном итоге низвести действительное богатство Церкви до уровня лубка. И ответ на вопрос – что делать? – лежит именно в этой плоскости. **Образовываться!** Усваивать знания и культуру, осмыслять современность с евангельской и церковной точки зрения, и перестать смотреть на мир сквозь узкую щель лубочного мировосприятия.

Игумен Петр (Мещеринов)

Как пережить предательство?

Что болезненнее всего переживает человек? Наверное, на этот вопрос может быть немало ответов — все мы очень разные. Но тем не менее мало что причиняет такую боль, как предательство близкого (или казавшегося каким-то время таковым) человека. Да-да, именно близкого, все ведь, скорее всего, сегодня знакомы с таким расхожим присловьем: «Предают всегда свои». Конечно, свои — потому что чужие как могут предать? На них мы и не надеялись, им не доверялись, не открывали своих сердечных тайн, не думали о них и о себе как о частях единого целого.

А свои... Как же это тяжело бывает, когда ты сталкиваешься с обманом со стороны того, кому, казалось, всецело верил. Или узнаешь, что твой друг выступает заодно с твоими врагами против тебя. Или выясняешь неожиданно, что он метит на твое место, интригует, клеветает, ведет нечистую и нечестную игру...

Дело не в том, что «свой» имеет возможность ударить в спину — чужих-то мы редко пускаем в тыл... Не в том, что он может нанести максимальный урон. Намного важнее другое. Кажется, что земля уходит из-под ног, непонятно даже становится, как жить-то дальше, если тут такое...

«Не надейтесь на князи, на сыны человеческия, в нихже несть спасения» (Пс.145:3). И паки: «Проклят всяк надеющийся на человека» (Иер.17:5). И еще: «Благо есть надеяться на Господа, нежели надеяться на человека, благо есть уповати на Господа, нежели уповати на князи» (Пс.117:8-9).

Но ведь уже понадеялись, уже возуповали. И теперь не просто разочаровались, обманулись, а именно что проклятию подверглись! И как справиться с обуревающими нас чувствами, как исцелить сердечные раны, как, в конце концов, простить?! Ведь точно ждет от нас Господь, чтобы примирились мы внутренне - и с происшедшим, и с людьми, чтобы не осталось в нас ни удрученности, подавленности пережитым, ни озлобленности, ни ожесточения.

Мне кажется, что в подобных случаях мы практически всегда совершаем одну и ту же ошибку, в основе которой, конечно же, наше неправильное отношение к своему «я». Откуда это ощущение - предательства, измены? Оттуда, вероятно, что мы прежде считали, что нас связывают с человеком те отношения, ко-

торые налагают и на нас, и на него определенные обязательства. Но на самом деле — разве имеем мы право требовать от него — другого — того же, чего требуем от себя? От себя — пожалуйста! А от другого — нет. Это же не бизнес, не договорные отношения с подписанием вороха бумаг, штампами и печатями. Это живая жизнь, в которой мы должны поступать по своей христианской совести и не быть арбитрами в отношении совести чужой.

И почему мы вообще воспринимаем то, что человек делает, непременно как имеющее отношение к нам? Он-то, скорее всего, думает о нас менее всего. Он думает о себе — о своих обстоятельствах, проблемах, интересах, нуждах и так далее. Он не ставит перед собой цели предать нас, причинить нам боль, досадить, уязвить, просто поступает так, как ему удобней и выгодней, только и всего.

Горько нам от того, что мы переживаем как предательство, неуютно на душе... Но хорошо бы разобраться все же — отчего именно. Если оттого, что нас предали, нам не были верны, то есть ли у нас на самом деле основания требовать этой верности и осуждать того, в ком ее не обрели? Пожалуй, что и нет: люди и Богу верности не хранят, что уж о нас говорить. Если же оттого горько, что обманулись в человеке, думали о нем лучше, чем он оказался, а теперь узнали его и словно потеряли, то что ж... Он свободен быть таким, каким хочет, а нам остается лишь отойти в сторону, но опять же — не осуждая.

Трудно это? Да не то слово! Настолько, что вообще редко когда удается сразу так настроиться и так поступить. Трудно, но возможно — с помощью Того, Кто и подлинное предательство и отступничество так часто прощает, и наши — в том числе. И если не растревлять намеренно в сердце рану, не превращать ее в медленно, мучительно разъедающую его язву, а прибегнуть к бесконечное число раз Преданному и Оставленному, но никого не предающему и не Оставляющему, то Он, конечно, научит нас, как и из этой беды и скорби извлечь пользу для своей души. И больше того — как через это приблизиться к Нему, стать хоть чуть-чуть похожим, хотя бы немного сродниться...

Игумен Нектарий (Морозов)